

УДК 801

ББК 81.0

А 95

М.П. Ахиджакова

Становление лингвистической метатеории в рамках истории языкознания

(Рецензирована)

Аннотация:

Сложившееся к настоящему времени положение в системе лингвистического знания, при котором оно является конгломератом разнородных по происхождению и зачастую не сводимых в единую картину сведений о языке, свидетельствует о том, что оно представляет собой систему в процессе ее организации. В статье рассматриваются аспекты систематизации этого знания, выявления различных взаимоотношений и взаимосвязей между его частями и элементами в процессе создания единой научной картины языка.

Ключевые слова:

Язык, метатеория, редуccionизм, проспективизм, систематизация, языкознание, репрезентация, мышление, форма языка, субстанция.

Развитие языкознания может служить удобной иллюстрацией процесса специализации, постоянно имеющего место в развитии научного знания. В контексте нашей статьи мы будем рассматривать исключительно европейскую традицию развития науки о языке, восходящую к античности. В рамках этой традиции сама теория языка возникла в результате дифференциации общего научного знания, находившегося в компетенции философии. Система философских знаний, постепенно дифференцируясь, дала рождение целому ряду наук, в том числе и языкознанию.

Однако, наряду с философским, в истории языкознания существовало прагматическое направление, которое порождалось потребностью в решении ряда практических задач, связанных с языком: перевод, составление словарей, построение школьных и нормативных грамматик. Эта потребность на протяжении всей истории цивилизации приводила к самостоятельному возникновению различных попыток описания языка и отдельных его феноменов.

Взаимодействие этой линии с выделяющимися из руслу философии теориями языка, рассматриваемыми его методологические аспекты, сыграло существенную роль в становлении языкознания как самостоятельной дисциплины в системе гуманитарных знаний. Синтез двух направлений в развитии науки, философского и

практического в Новое время порождает прообраз современного языкознания – грамматическую науку.

В начале XIX века зарождающееся научное языкознание во все большей степени осознает самостоятельность своего предмета и наиболее четкое выражение это осознание находит в словах В. Гумбольдта: «Сравнительное изучение языков только в том случае может привести к верным и существенным выводам о языке, развитии народов и образовании человечества, если оно станет предметом самостоятельного исследования, направленного на выполнение своих задач и следующего своим целям» [1:73].

Ряд исследователей относят формирование языкознания как отдельной научной дисциплины к этому времени. Однако существуют и другие мнения. Некоторые авторы считают началом современного научного этапа «Граматику Пор-Рояль», другие – зарождение современного структурализма. Существует точка зрения (например, у Г.П. Щедровицкого) [2], согласно которой научное языкознание, то есть «научное изучение языка – речи и мышления, предстоит еще только начать, и возможные успехи его зависят от целого ряда факторов и обстоятельств, которые необходимо предварительно создать или подготовить..., научной теории... для этих объектов не построено до сих пор...; за научную теорию выдаются конструк-

тивно-нормативные и конструктивно-педагогические системы языка с сопровождающими их практико-методическими и конструктивно-техническими знаниями» [2:173].

Нам представляется наиболее предпочтительным рассматривать начало XIX века в качестве точки отсчета самостоятельного и самосознаваемого существования языкознания (в европейской традиции) как отдельной науки. Аргументом в пользу этого может служить тот факт, что именно в этот период происходит значительная интенсификация собственно лингвистических исследований, явившаяся результатом выделения лингвистического знания и методов его исследования, то есть превращение языкознания в особую науку. В рамках языкознания возникает, почти одновременно, целый ряд направлений.

Классические работы по истории языкознания обычно связывают языкознание того времени лишь со сравнительно-историческим методом. Пронизанный духом романтизма в своих первых проявлениях, этот метод сложился в результате важнейших открытий в области будущей индоевропеистики. Лежащий в его фокусе историзм был унаследован от увлечения романтиков проблемами происхождения и истории человеческого рода. Однако это был не единственный фокус науки того времени. В немецкой классической философии распространились идеи И. Канта и И. Гердера, на которые опиралась концепция языка В. фон Гумбольдта. Сейчас уже общепризнанным является тот факт, что помимо сравнительно-исторического языкознания к языкознанию этого времени следует отнести общую теорию языка В. Гумбольдта, которая, кстати, может рассматриваться как первое выражение программы молодой науки, а также логицизм К.Ф. Беккера. Позднее появляются натурализм А. Шлейхера, связанный с успехами естествознания, психологизм в его многочисленных вариантах противопоставляется логическим схемам схоластов.

С XX веком приходит структурализм, который возникает и развивается параллельно в различных школах. В своем первоначальном, сосюрловском варианте, он строится на осознании формальности языка, на его представлении как системы сходств и различий, системы «числительных» отношений, не отягощенных субстанцией.

В более поздних структуралистских школах в концептуальный фокус включаются различные функциональные компоненты. Функциональные аспекты языковых явлений постепенно вытесняют интерес к собственно структурным моментам, которые к этому времени представляются достаточно изученными и осознаваемыми. Поэтому на место структурализма как центрального направления лингвистических исследований приходят многочисленные лингвистические направления, концептуальный фокус которых частично отражается в их названиях: психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, лингвистическая прагматика и другие функционально и коммуникативно ориентированные направления исследований. Число теорий языка множится, предлагаемые ими картины языковой действительности и объяснения сущности языка разнятся. Все в большей степени проявляется необходимость систематизации достигнутых различными направлениями лингвистики знаний. При этом различие подходов при описании одних и тех же аспектов языка требует найти общую методологическую платформу для сопоставления данных различных теорий. Это означает выход за концептуальные ограничения отдельных теорий на более высокий уровень теоретической общности, который и представляется далее в рамках нашего исследования как уровень лингвистической метатеории.

Сложившееся к настоящему времени положение в системе лингвистического знания, при котором оно является конгломератом разнородных по происхождению и зачастую не сводимых в единую картину сведений о языке, свидетельствует о том, что оно представляет собой систему в процессе ее организации. Осознается необходимость существенной систематизации этого знания, выявления различных взаимоотношений и взаимосвязей между его частями и элементами, создание более или менее единой научной картины языка. Менее очевидным оказывается осознание того, что это положение дел будет поддерживаться притоком новых теорий и новых данных, оно в большей или меньшей степени будет сохраняться всегда, а абсолютно единая научная картина языка всегда будет оставаться недостижимым идеалом. Сам этот факт является залогом постоянного прогресса, постоянного восхожде-

ния к этому идеалу. И систематизация, то есть «наведение порядка» в том, что уже достигнуто, необходима для определения новых путей для развития науки.

Подобное положение вещей характерно не только для языкознания, оно свойственно, видимо, всей науке в целом. Приведения в систему требуют, например, знания естественных наук. Широкою известность приобрел методологический тезис М. Планка: «С давних времен, с тех пор как существует изучение природы, оно имело в качестве идеала конечную, высшую, задачу: объединить пестрое многообразие физических явлений в единую систему, а если возможно, то в одну-единственную формулу» [3: 23].

В истории науки предпринимались различные попытки создания единой теоретической картины мира. В качестве одного из способов унификации знания был в свое время предложен редукционизм. Он не оправдал возлагавшихся на него надежд, хотя и дал определенные результаты. В области естественных наук он впервые проявился в виде механицизма: все качественное многообразие мира сводилось к процессам, описываемым классической механикой.

В языкознании редукционизм также имел относительно широкое распространение, в частности, его наиболее яркие проявления – различные теории семантических множителей – сыграли важную роль в развитии системно-семантических представлений. На его основе построены многочисленные структурно-семантические теории, на нем зиждется, в частности, методика компонентного анализа и другие семантические теории, где все многообразие значений в языке пытаются свести к комбинациям ограниченного числа семантических признаков. Таких концепций много, и они дают ряд иногда принципиально различных представлений языковой семантики, однако их вклад в развитие общей теории значения не оценим. Иногда именно редукции приписывается решающая роль в познании языка. В этом отношении показательна точка зрения А. Вежбицкой. Она считает, что «теоретическая семантика, если она действительно стремится к познанию и подробной фиксации человеческой роли... должна довести минимизацию (reduction) до конца, до тех пор, пока она не дойдет до таких составляющих человеческих высказываний, ко-

торые уже просто не могут быть подвергнуты дальнейшему разложению» [4: 220].

Редукционизм был исторически первой тенденцией к объединению научных знаний. Позднее в противоположность редукционизму возникла идея построения единой науки на пути «проспективизма». Эта концепция исходит из факта глубокой дифференциации современного научного знания и невозможности построения унифицированной науки на основе физики. В основе проспективизма лежит мысль о том, что общие категории мышления похожи в самых различных отраслях современной науки, отсюда возникает возможность построить единую науку на базе изоморфизма законов в ее различных областях. Это означает, что можно говорить о структурном сходстве теоретических моделей, которые применяются в различных областях науки» [5: 424-425].

Проспективистским «претендентом» на звание *Mathesis universalis* стала общая теория систем (ОТС), созданная Л. фон Бергаланфи. Однако были высказаны опасения, что «предложенный Бергаланфи метод объединения наук приведет лишь к дальнейшему разделению как теоретических и прикладных направлений неформализованных наук, так и к увеличению разрыва между формализованными (точными) и неформализованными науками» [5: 439]. Тем не менее, определенные успехи в области объединения знаний на основе изоморфизмов и перенос концептуальных моделей из одной теоретической области в другие дисциплины были достигнуты именно с помощью ОТС.

Путь к единой картине мира, предложенный Бергаланфи, не является ни исчерпывающим, ни единственным. На это указывает и сам ученый, замечая, что «ОТС в ее настоящем виде является одной – и притом весьма несовершенной – моделью среди других», что она никогда не будет «исчерпывающей, исключительной или конечной» [6: 10].

Определенное разрешение проблема систематизации научного знания находит и в том естественном процессе его метатеоретизации, который сопутствует развитию науки. Этот процесс основывается и на редукционистских, и на проспективистских тенденциях. С одной стороны, целью систематизации является сведение всех знаний в общую картину и выработку индуктивным путем тех глубинных принципов ее организации, которые могут соответст-

воват дедуктивно-накладываемым проспективистским категориям. С другой стороны, происходящее при этом сопоставление теорий может приводить к редукции одних терминов к другим. Как отмечает М. Вартофский, понимание редуцируемости колеблется в широких пределах. Она «может означать эксплицитную определенность термина, в других случаях – ограниченную переводимость и лишь частичную спецификацию значений, редуцируемость множеств эмпирически верифицируемых высказываний из других таких множеств. Она может означать и экстенциональное тождество редуцируемых и редуцирующих теорий при сохранении интенциональных различий между ними.

Редуцируемость может означать также конструктивные («часть – целое»), онтогенетические, каузальные отношения между элементами одной науки или разных наук, или, согласно другой точке зрения, разных уровней реальности [7: 43].

Процесс интенсивной метатеоретизации свойствен и современному языкознанию. Можно предполагать, что в конечном итоге он, приведет к определенной ступени организации системы лингвистического знания, на которой оно будет представлять собой органический комплекс лингвистических и металингвистических теорий, в совокупности дающих «панлингвистическое знание». При этом теории первого рода будут решать тактические, а второго – стратегические задачи науки о языке.

Процесс метатеоретизации в языкознании, как и вообще в науковедении, идет в двух направлениях. Первое, историографическое, вырастает в сфере истории языкознания; при этом оно также использует идеи, разработанные общенауковедческой историографией.

Второе представлено в отечественном языкознании обширной литературой по методологическим проблемам языкознания, по анализу соотношения языка и лингвистической теории. Однако законченной теории лингвистического метаописания создано не было. Правда, в американском языкознании была создана специальная отрасль – металингвистика, с целью систематизации различных теоретических моделей языка. Однако американская металингвистика недостаточно четко отграничила свой предмет. Это привело в свое время к смешению понятия «металингвистика» с понятием «семантика», понятием уровня лингвистической

теории, и лишило возможности рассматривать металингвистику как особый уровень лингвистического знания [8: 7].

Однако речь должна идти именно об отдельном уровне, так как метатеоретизация опирается на свою онтологию науки. Под этим термином мы, вслед за М. Вартофским, понимаем «не научную онтологию, то есть онтологию той области реальности, которой занимается наука, а онтологию самой науки как особой сущности» [7: 104]. Оба направления процесса метатеоретизации имеют свою разновидность онтологии. Онтологии диахронного процесса противопоставляется рационально-реконструктивистская онтология, онтология «вне – исторического», синхронного, то есть не зависящего от времени массива имеющегося научного знания. Задачей философии науки в результате оказывается рациональная реконструкция множества выражающих это знание высказываний в форме логической системы, а в конечном счете в аксиоматической форме» [7: 105].

Таким образом, возможный путь к систематизации знания намечается самим развитием науки, в том числе и науки о языке, так как в ней происходит процесс метатеоретизации, который имеет давнюю традицию. Необходимость учета и систематизации результатов, достигнутых учеными и различными научными школами, а также самих способов и методов достижения этих результатов, попытки сравнения новых построений с традиционными учениями приводили к созданию особых работ, посвященных сопоставлению лингвистических описаний, в частности, грамматик.

В XIX в. резко увеличивается потребность в создании обзорных работ. Начало этого столетия знаменуется тем, что языкознание окончательно осознало свою самостоятельность и отдельность своего предмета. Как следствие этого наблюдается интенсификация собственно лингвистических направлений исследований. Параллельно возникает целый ряд концепций языка и отдельных его феноменов. Постепенно увеличивается и количество сравнений, сопоставлений, аналитических разборов лингвистических концепций и их отдельных моментов. Количественные изменения сопровождаются качественными: от простого описания ученые постепенно переходят к анализу и сопоставлению различных точек зрения на природу языка и языковых явлений. Процесс этот постепенно

приводит к созданию отдельной отрасли языкознания – истории лингвистических учений, которая, как и всякая история, «есть ретроспективная реконструкция, придающая прошлому соблазнительную стройность и убедительность: все, кому доводилось слышать шелест крыльев совы Минервы, хорошо знают это» [7: 10].

Увидеть, как формируется история языкознания в XIX веке, можно, сравнивая работы разных поколений лингвистов. Для ученых начала века, таких, как В. Гумбольдт или первые компаративисты, характерно исключительное внимание непосредственно к проблемам собственно языка, поскольку их работы носят пионерский характер в соответствующих областях. Однако во всех последующих поколениях в лингвистических трудах, помимо непосредственного анализа языковых фактов, все больше места уделяется обсуждению точек зрения «старых ученых». Так, У. А. Шлейхера, например, встречается много ссылок, особенно на Ф. Боппа и Я. Гримма, у Г. Штейнталя имеется значительный по объему анализ работ К. Беккера и В. Гумбольдта. Прекрасной иллюстрацией в этом отношении могут служить труды А. А. Потебни, в которых ученый, обладавший большой эрудицией, дал критику и собственную интерпретацию большого числа различных точек зрения, преимущественно русских и немецких ученых, которые сопровождают его собственный анализ явлений языка.

В дальнейшем сопоставления отдельных точек зрения заменяются попытками проследить целые тенденции и направления в развитии лингвистической мысли. Различные критические замечания, прежде разбросанные по страницам томов собственно лингвистических исследований, имеют тенденцию группироваться в особые разделы. Для общетеоретических работ становится правилом наличие исторического экскурса. В начале XX века появляются первые монографии по истории языкознания. Это время можно, видимо, считать этапом окончательного формирования истории лингвистических учений как отдельной дисциплины.

XX век становится веком бурного развития истории языкознания. Об этом свидетельствует растущий поток публикаций, посвященных ее проблематике. Даже поверхностный обзор этого потока показывает, что количественный рост сопровождается все более усиливающейся

дифференциацией, которая идет в различных направлениях. Так, наряду с общими историческими обзорами появляются специализированные работы, посвященные анализу отдельных лингвистических традиций, отдельных школ, концепций отдельных ученых и, наконец, эволюции отдельных идей, истории рассмотрения отдельных частных проблем языкознания.

В процессе развития история языкознания претерпевает также качественные изменения. Если первые обзоры носят преимущественно описательный характер, то это вполне закономерно, потому что «развитие любой науки начинается с накопления эмпирических факторов, выдвижения на их основе простейших обобщений и выдвижения гипотез для их объяснения» [9: 18]. Поскольку возраст собственно языкознания как отдельной науки в рамках европейской традиции составлял примерно столетие к моменту формирования истории языкознания, а накопленное научное знание было значительным по своему объему и, кроме того, было представлено в виде самых разнообразных учений и концепций, то есть весьма разнообразно оформлено методологически и методически, постольку для первых историков языкознания задача систематизировать достигнутые результаты и установить соответствия между различными направлениями в языкознании была необычайно сложной. Не хватало перспектив времени, закрепляющей место каждой теории в эволюции научной мысли. Однако некоторые факты были столь очевидны, что позволяют сделать определенные обобщения и проследить тенденции. В первую очередь это касалось сравнительно-исторического метода и неслучайно первые западноевропейские работы по истории языкознания по существу представляли собой работы по истории компаративистики. Ряд направлений, таких как философия языка В. Гумбольдта, например, по мнению В. А. Звегинцева, вообще «выносился «за скобки» истории науки о языке» [10: 18].

Постепенно, с увеличением временной перспективы, с аккумуляцией новых фактических данных, с возникновением в европейском языкознании новых направлений исследований растет число обобщений, четко вырисовываются основные пути развития языкознания. Все большее место в работах по истории языкознания начинают занимать теоретические

построения, связанные с методологическими проблемами языкознания, систематизацией его методов, уточнением терминологического аппарата науки. В рамках истории языкознания создается теория рассмотрения лингвистических концепций. В отличие от собственно истории языкознания, которая занимается описанием и обобщением последовательно сменяющихся друг друга этапов эволюции научной мысли, новое направление базируется не на эмпирическом описании прошлого науки, оно опирается на четко разработанную теорию процесса развития в целом, в частности процесса развития науки о языке и методах его изучения. Создается теоретическая история языкознания, которая в англоязычной лингвистической традиции называется «историографией языкознания», а во франкоязычной выдерживается в духе исторической эпистемологии, разработанной М. Фуко [11].

Чтобы определить, какова природа метатеории, нужно найти ее место в системе лингвистического знания, под которым понимается совокупность любых знаний, связанных с языком: и знание языка или языков, и знания о языке. Процесс метатеоретизации возникает и осуществляется непосредственно в рамках самого языкознания и изначально тесно связан с развитием собственно лингвистических теорий. Лишь на последующих аналитических этапах метатеория может выделяться в особый уровень исследований как внутринаучная саморефлексия. Именно тогда начинает в значительной степени проявляться ее методологическая ориентация. Связь с самим языком в метатеории является опосредованной, она проявляется через собственно теории языка. Содержательно удаляясь от языка, она приближается к общенаучной и философской методологии, однако с ними не сливается. Сама по себе она конституирует сферу конкретно-научной методологии, пограничную для языкознания, науковедения и философии. Потому она может относиться как к компетенции философии, так и к компетенции языкознания [12: 109].

Следует отметить, что и формально (по своему устройству), и функционально (по своим отражательно-экспланаторным функциям) метатеория аналогична своему объекту – теории. Поэтому мы предполагаем, что к ней применимы все те знания, которые в науковедении

имеются о теории. Согласно ряду гносеологических концепций, это:

- во-первых, отражательный характер. Различие между теорией и метатеорией здесь кроется лишь в характере объекта. Объектом метатеории выступает сама теория. Таким образом, термин «метатеория» выступает в качестве функтора, то есть функции, аргументом которой также является функция;

- во-вторых, теория представляет собой особую форму научного познания – форму рациональной деятельности, в отличие от деятельности материальной – практики [9: 13]. Однако соотношение теории и практики не сводится к простому их противопоставлению как рационального и материального. Теория также представляет собой вид практики, хотя и рациональной: «...теория есть рефлексивная практика или сама практика рефлексии над практикой... это практика, ставшая саморефлексивной» [7: 128]. Особенно отчетливо возможность интерпретации теории как практики выступает при обращении к метатеории, которая является рефлексией над теорией, или саморефлексией теории. В этом контексте очевидна относительность понятий «теория» и «практика», когда одно и то же явление в разных отношениях может рассматриваться и как теория, и как практика;

- в-третьих, теория отличается существенным образом от других форм рационального мышления, таких, например, как понятие, суждение, умозаключение, гипотеза, закон тем, что включает в себя последние и связывает их в единые концептуальные фрагменты, соотносящиеся с соответствующими фрагментами реального или возможного мира. Таким образом, для теории существенным является целостный и системный характер описываемой ею действительности, в отличие от остальных форм научного мышления, отображающих отдельные стороны или отношения этой действительности. Системность является необходимым атрибутом также и для метатеории. Поэтому ниже более подробно будет рассмотрена сущность принципа системности и его значимость для построения лингвистической метатеории;

- в-четвертых, поскольку теория содержит в своем составе обобщения, гипотезы и другие допущения, которые в лучшем случае приблизительно верно описывают действительность,

то она не может гарантировать абсолютной достоверности своих выводов.

Кроме того, «никакая теория не может отобразить всех свойств и отношений изучаемых явлений, да это в принципе невозможно, поскольку явления обладают бесчисленным множеством свойств. К тому же не все они одинаково важны для той или иной науки, поэтому в процессе познания выделяются лишь некоторые, основные, существенные для целей данного исследования свойства и отношения» [9: 12].

На этих основаниях можно заключить, что предмет научной теории является не зеркальным, а идеализированным отражением описываемого ею объекта, поскольку теория определенным образом членит свою действительность, представляет ее через определенную форму и, следовательно, в определенном смысле конструирует свой предмет.

При ином концептуальном фокусе эта идея может быть выражена так: «Понятия и утверждения теории в строгом смысле слова описывают не свойства и отношения реальных явлений или систем, а особенности поведения идеализированной схемы, или концептуальной модели, которая была построена в результате исследования той или иной реальной системы» [9: 14].

Итак, характер отражения теорией своего объекта отличается относительностью, он выступает как форма представления объекта, порождая таким образом предмет (отраженный через призму теории объект), его модель или «репрезентационный артефакт» в терминологии М. Вартофского [7: 15]. Здесь важно подчеркнуть различие объекта и предмета (модели). Конечно, мы далеки от максималистского понимания соотношения репрезентации и объекта, беспредельно расширяющего круг возможных репрезентаций, хотя с теоретической точки зрения и такое возможно.

Приведенные особенности теории значительно сужают круг тех сущностей, которые могут выступать в качестве репрезентации, соотносящейся с теорией. Тем не менее, максималистская трактовка также может считаться эвристичной. У М. Вартофского можно найти весьма существенный момент в рассуждениях о глобальности репрезентационистского подхода и роли субъективного фактора в создании репрезентации: «именно мы определяем нечто как репрезентацию чего-то другого... чтобы

нечто стало репрезентацией, оно обязательно должно! рассматриваться как репрезентация... само по себе по своим внутренним свойствам ничто не является референциальным: нет двух вещей, которые находились в отношении друг к другу сами по себе, вне зависимости от наших намерений придать этому отношению статус референции» [7: 18-19].

Соответственно, взятые как вещи в этом смысле и язык, и лингвистическая теория, и лингвистическая метатеория могут рассматриваться как отдельные сущности, объективно существующие, причем независимо друг от друга, по крайней мере они могут рассматриваться независимо друг от друга, то есть как обладающие определенной автономностью. Они действительно связаны референциальными отношениями лишь через наше сознание.

Ощущение этой автономности еще более усиливается и подтверждается при обращении к альтернативным концепциям, которые дают противоречащие описания одного и того объекта и которыми буквально наводнено современное языкознание. Взять к примеру, унилатералистские и билатералистские представления о природе знаков языка, когда обе точки зрения вполне оправданно претендуют на референциальность, причем к одному и тому же классу объектов.

Очевидно, что в связи с этим усиливается ощущение неизбежной субъективности любой репрезентации. Субъективность в рамках наших рассуждений является также понятием весьма относительным. В. фон Гумбольдт в свое время показал соотносительность понятий «объективность» / «субъективность» применительно к языку, выстраивая градацию отношений этого рода в зависимости от точки отсчета. Так, сам язык неизбежно субъективен по отношению к реальному миру, но он в такой же степени и объективен по отношению к использующему его человеку.

Градация субъективности становится очевидной и при обращении к отдельным явлениям языка, будь то стратификация языка или уровни семантики слова (в наиболее явном виде эта проблема отражена в разграничении ближайших и дальнейших значений у А.А. Потебни).

Неизбежная субъективность вносит свой вклад в осознание относительности любой теории. Все это играет исключительно важную роль и для метатеории, поскольку неустрани-

мая доля субъективизма присутствует в любой интерпретации теории. Перефразируя известное выражение А. Розенблюта и Н. Винера (лучшей моделью кошки будет сама кошка), мы можем сказать, что лучшей интерпретацией теории будет сама теория. Между различными интерпретациями существуют определенные противоречия. И конечно же, каждая из них естественным образом субъективна, относительна и ограничена. Например, лучше всего концепцию А. А. Потемни могут представить непосредственно его собственные труды. Однако для включения в систему знания нам необходима такая ее интерпретация, которая, с одной стороны, корреспондирует с терминологией и принципиальными установками современной системы, а с другой, концептуально не противоречит трудам ученого, чтобы избежать модернизации системы его взглядов.

Мы должны выделить еще один аспект рассмотрения теории – ее формальность. Этот аспект применительно к метатеории выступает как один из основных принципов, так как теория является формой представления своего объекта, который по отношению к ней выступает как субстанция или содержание. Именно здесь можно также найти контрадикторность.

Отношение между формой и субстанцией применительно к языку было четко сформулировано Л. Ельмслевым: это селекция, односторонняя функция. Согласно Л. Ельмслеву, субстанция селектирует форму, но не наоборот. Форма (теория) селектируется, предопределяется субстанцией (языком). Такое положение дел дает возможность придать объективистскую интерпретацию и соотношению теории и метатеории. Ведь метатеория как форма определяется своей субстанцией, то есть лингвистической теорией. И здесь утверждение, что субстанция селектирует форму, равнозначно заявлению о первичности субстанций и, в конечном счете, материи.

В когнитивных процессах знание о языке, то есть о субстанции, приобретает форму. Само оно становится содержанием этой последней, то есть форма накладывается на субстанцию, в понимании этих терминов Л. Ельмслевым. Хотя эта форма относительно произвольна и зави-

сит от субъекта познания, она произвольна до определенных пределов, поскольку селектируется субстанцией. Именно объективно существующие в субстанции свойства и отношения элементов задают то пространство признаков, из которого вычленяются образующие форму признаковые поля.

Примечания:

1. Гумбольдт В. О различии строения организмов человеческого языка и влияния этого различия на умственное развитие человеческого рода // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. – М., 1964. – Т. 1. – С.73-85.
2. Щедровицкий Г. П. Проблемы построения системной теории ложного "популярного" объекта // Системные исследования. Ежегодник. 1975. – М., 1976. – С. 172-214.
3. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 28 с.
4. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы». Введение // Семиотика / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: 1983. – С.225-252.
5. Проблемы методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970. – 454с.
6. Bertalanfy L, General System Theory as Integrating Factor in Contemporary Science and in Philosophy // Akten des XIV Internationalen Kongresses for Philosophie, Bd.II.-Wien. 1968.
7. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. Пер. с англ. / Общ. ред. и послеслов. И. Б. Новика и В. Н. Садовского. – М.: Прогресс, 1988. – 507с.
8. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.:Наука, 1975. – 311 с.
9. Рузавин Г.И. Научная теория: Логико-методологический анализ. – М.: Мысль, 1978. – 244 с.
10. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1976. – 307 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. – М.: Прогресс, 1977. – 488 с.
12. Алексеев И. С. Концепция дополнительности: Историко-методологический анализ. – М.: Наука, 1978. – 276 с.